

ББК Ч602.471
УДК 070.1

А. Е. Селюгина
A. Selyugina
г. Казань, КФУ
Kazan, KFU

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ АНДРЕЯ
БЕЛОГО «ПЕПЕЛ»**
**THE NATIONAL CHRONOTOPE IN ANDREI BELY'S POETRY BOOK
«ASHES»**

Аннотация: В статье рассматривается художественный образ пространства в поэтической книге Андрея Белого «Пепел», а также его трансформация в аспекте изучения проблемы национального в литературе эпохи рубежности. Проводится исследование нациошафтов и социошафтов как элементов национального хронотопа. Анализируются способы создания комплексного образа метапространства, что позволяет сделать выводы о принципах конструирования национального хронотопа в поэтической книге.

Ключевые слова: национальный хронотоп; метапространство; социошафты; нациошафты; метасюжет.

Abstract: The article deals with the artistic image of space in the poetic book of Andrei Bely «The ashes» and its transformation in the aspect of the study of the problem of the national in the literature of the turn of the century. The study of natioshapes and socioshapes as elements of the national chronotope is carried out. The ways of creating complex image of meta-space are analyzed, which allows to make conclusions about the principles of constructing national chronotope in a poetic book.

Keywords: national chronotope; meta-space; natioshapes; socioshapes; metaplot.

В последнее время в литературоведческих исследованиях заметно возрос интерес к проблеме национального хронотопа, особенно ярко проявляющейся в литературе эпохи рубежности. В данном контексте определённую значимость приобретает анализ национального аспекта в ранней лирике Андрея Белого. Данная статья ставит перед собой задачу исследования национального хронотопа в поэтической книге «Пепел».

Стихотворения, включённые в сборник «Пепел», объединены метасюжетом, функционирующим в определенном пространстве, которое создаётся в первом цикле и трансформируется в последующих. В основе художественного образа пространства в поэтической книге лежит система взаимодействующих нациошафтов и социошафтов. Данные понятия были введены М. Ю. Тимофеевым в монографии «Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций» [4].

1. Система нациошафтов

К нациошафтам в поэтической книге относятся простор и поле, с помощью которых создаётся единый образ неизмеримо огромного пространства России,

проникнутого холодом и ледяной тоской. Сборник «Пепел» открывается стихотворением «Отчаянье», наполненным атмосферой безысходности, в первом же стихотворении образ пространства играет важную роль, оно представлено не как традиционный русский пейзаж из безбрежных полей, а как нечто всеобъемлющее, поглощающее время и человеческие чувства: «В пространство пади и разбейся / За годом мучительный год!», способное вместить в себя не только годы, но и «века нищеты и безводья» [1, с. 5]. В это наполненное отрицательными смыслами место лирический герой хочет выплеснуть свои болезненные чувства: «В сырое, пустое раздолье, / В раздолье твое прорыдать» [1, с. 5].

В стихотворении «Вечерком» поле показано живым и подвижным, в нём словно появляется не названное существо из иного мира, издающее неприятные пугающие звуки «взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет» [1, с. 19]. Солнце же, как символ тепла и света, подобно времени целиком поглощается пространством – оно гаснет «пав в семью раки» [1, с. 19]. Дополняется образ поля в стихотворении «Бурьян», где растение становится определенным проводником, затягивающим человека в мёртвое измерение.

«Русь» и «Родина» близки к первому лирическому произведению в цикле, поскольку лирический герой вновь напрямую обращается к России. В «Руси» пространство показано неизмеримым – «просторов простертая рать» [1, с. 30], оно лишено фантастических черт, однако наполнено безысходностью и мертвой тоской: «скорбные склоны», «просторы голодных губерний» [1, с. 30]. Как и в «Веселье на Руси», в этом стихотворении возникает образ Смерти, властвующей над Родиной, которую целиком заполнило зловещее ирреальное измерение, принося лишь холод, боль и смерть. В конце стихотворения появляется лирический герой, ищущий причину злой и несчастной судьбы своей страны: «Мать-Россия, о родина злая, / Кто же так подшутил над тобой?» [1, с. 31].

Первый цикл поэтической книги важен с точки зрения построения образа метапространства, некоего фантастического измерения, существующего параллельно с действительностью и обладающего властью над ней. С этим художественным образом, с точки зрения В. С. Севастьяновой, связан комплекс «... мотивов опустошения, застывания, затемнения, исчезновения миров, воссоединения с изначальным мраком» [2, с. 15].

Цикл «Паутина» характеризуется сужением художественного пространства, его можно условно разделить на две противопоставленные друг другу части – неподвижный мрачный мир паука и нежный лиричный мир юной героини. Пространство паука лишено красок, оно мрачное, отталкивающее, герой определяет его как «лед и холод» [1, с. 51]. Описание девушки проникнуто яркими оттенками – она «в цветах», «в шляпе с кисеею яркой» [1, с. 51], её образ наполнен жизнью, органичен на фоне пробуждающейся природы. Примечательно, что паук стремится не в замкнутый мир, ограниченный паутиной, а в поле, поскольку образ поля, как и в первом цикле, представляет собой одно из проявлений метапространства.

Стоит обратить внимание на то, что стихотворения «Паук» и «Судьба» оканчиваются наступлением ночи, что символизирует победу паука и угасание светлого весеннего мира, как и жизни юной героини, в глухом метапространстве.

Значение цикла «Паутина» заключается в том, что в нем общий сюжет о поглощении жизни и времени тёмным ирреальным измерением раскрывается в частном проявлении, на примере паука и гибнущей юной девушки.

Цикл «Безумие» можно сопоставить с первым циклом поэтической книги на основе общности нациошафтов, на первый план вновь выступают простор и поле: «Одинокое, бедное поле, / Сиротливо простертое вдаль» [1, с. 87]. Все описанное в «Безумии» полностью происходит в метапространстве, однако в отличие от «Отчаяния» оно не имеет ужасающих черт. Такая трансформация пространственных особенностей может быть объяснена изменением мироощущения лирического героя, он сам стал частью мистического мира, казавшегося изначально пугающим. Внутри общего пространства цикла существуют противоречия. С одной стороны, поэт создаёт светлый пейзаж, который близок лирическому герою, ассоциируется в его сознании с чувством свободы: он называет себя «пророком полей», утверждает, «поле – дом мой» [1, с. 89]. С другой стороны, в цикле происходит развитие мотива враждебности холода и льда, олицетворяющих зловещую силу, стремящуюся помешать лирическому герою: «...вихрь танцующий меня / Обсыпал тучей ледяных игол» [1, с. 91], эту же функцию выполняет и чертополох, растение, традиционно наделяемое в фольклоре мистической силой. Стремление к чистоте и духовности выражают христианские символы: колокольни становятся олицетворением светлого начала в цикле – «Но я внимаю серебру / Заклокотавших колоколен» [1, с. 92], а свеча сопровождает лирического героя в его попытках вырваться из мрачного и душного мира с застывшим временем.

Именно в цикле «Безумие» начинается значительная трансформация хронотопа, в тёмном мёртвом ирреальном измерении возникает новое пространство, наполненное живыми оттенками и звуками, однако на данной стадии оно еще недостижимо для лирического героя и находится лишь в его сознании.

Цикл «Просветы» на первый взгляд кажется самым светлым и жизнеутверждающим во всей поэтической книге. Однако, с точки зрения Н. Н. Скатова, в данном цикле присутствуют «...тревожные ноты, указывающие, что это ... не новый свет, остановки в пути, не окончание его» [3, с. 175]. Нациошафты, поле и простор, в цикле опозитизированы, представлены возвышенно, они приносят успокоение и радость, вдохновляют поэта: «Как зарей вечернею, зеленою, – / Как поет восторг в моей груди!», «Все поля – кругом поля горбатые, / В них найду покой себе – найду» [1, с. 100]. Тема смерти в финальном стихотворении приобретает новое значение, уход из жизни изображается не как гибель и горе, а как новая ступень в духовном развитии, открывающая возможность иначе взглянуть на мир. В «Обете» происходит расширение художественного пространства до космического уровня, лирическому герою становится доступным «необозримый мир» [1, с. 104].

Финальный цикл «Горемыки» характеризуется многослойным собирательным образом пространства, оно двойственно, вбирает в себя одновременно черты зловещего ирреального изменения и скромного, родного русского пейзажа. В первом произведении «Изгнанник» лирический герой находит в природе

силы и утешение, он покидает обманчивую среду города ради свободы, возможной лишь в необъятных просторах Родины: «Я отдохну душой мятежной, / Моей душой многострадальной» [1, с. 105]. Однако в двух последующих стихотворениях «Бегство» и «Путь» возникают мрачные черты враждебного метапространства – «пыли потоки», «сердитая туча», «багровая даль», «чета ошалелых ворон» [1, с. 107]. Важно заметить, что на протяжении цикла описываются разные времена года, этот прием подчеркивает цикличность времени, вечность его движения по кругу, сопоставляемое с круговоротом метели – «ветер кружево вьюги плетет», «Время, / Белые кони несут» [1, с. 112]. Метапространство в «Успокоении» теряет своё ирреальное значение, сливается с окружающей действительностью и изображается как нечто вечное и неизбежное. Лирический герой ощущает себя пленником в тюрьме, что связано с его восприятием мира, невольно погруженного в метапространство и вынужденного существовать по его законам.

2. Система социошафтов

Наиболее яркими социошафтами в «Пепле», несомненно, выступают деревня и город. В стихотворении «Деревня» из первого цикла элементы пейзажа представлены в виде живых существ, которые страдают и выглядят пугающими и злыми. Строки о поле повторяются дважды: «Злое поле жутким лаем / Всхлипнет и молчит» [1, с. 6]. Деревенские избы сравниваются со старым измученным животным – «как растрёпанные звери», у них «ощетинились спины, как сухая шерсть» [1, с. 6]. Цикл «Деревня» характеризуется проявлением эпического и драматического начал, острым балладным сюжетом, развивающимся в метапространстве. В лирическом произведении «Стар» на неизбежность трагедии указывают повторяющиеся строки: «Перешукнется в испуге / С лебедой бурьян» [1, с. 35].

Принципы организации художественного пространства в цикле «Город» играют роль в создании сквозного образа метапространства. Ключевое значение в тексте имеют полутона, означающие пограничное состояние между настоящим и ирреальным, и хаотичное движение вихря или вьюги, существующее в рамках карнавальной атмосферы. В первом стихотворении «Старинный дом» все предметы выступают из мглы, так же как отдельные отрывочные образы, «воспоминаний дым» [1, с. 63], возникают в памяти пожилой героини. Финал лирического произведения предвосхищает появление домино – «красный шар» [1, с. 65] пожара контрастирует с туманными бледными очертаниями дома. В стихотворении «Маскарад» пространство показано в карнавальном освещении, оно лишено статичности и устойчивости, пребывает в постоянном бессмысленном движении, все герои подчинены этому закону, лишены индивидуальных человеческих черт и превращены в маски: «Гости бродят, колобродят, / Интригуют наугад» [1, с. 67].

С метапространством из предыдущих циклов напрямую связаны образы смерти и домино, что проявляется на лексическом уровне: «косы сухая жердь», «жёлтой костью щелкнет» [1, с. 67]. Автор подчеркивает предопределенность судьбы всех персонажей и абсолютную власть кровавого домино, не ощущаемую в карнавальном вихре.

Деревня как социошафт также выступает на первый план в стихотворении «Поповна», где реализуется сюжет, лежащий в основе цикла «Деревня». Однако любовная история лишена трагического финала, что связано с коренным изменением окружающего мира, гибельное метапространство полностью исчезает, заменяясь традиционным деревенским пейзажем: «ряд избенок вьется», «огни зари горят», «играет ветерок» [1, с. 96].

В целом, социошафты характеризуются полярными отношениями: пространство города, то призрачное, то хаотически яркое, обречено на гибель в беспощадном вихре, тогда как мир деревни, изначально пугающий и враждебный, постепенно трансформируется, ассоциируется со свободой и любовью к Родине, именно в нем метапространство приобретает светлые черты.

Таким образом, в поэтической книге Андрея Белого «Пепел» происходит конструирование национального хронотопа, состоящего из двух взаимосвязанных компонентов. Социошафты обращены к современной автору действительности, наполненной потрясениями и бедами, они придают хронотопу реалистичность, отражают влияние некрасовских традиций на поэзию Белого. Нациошафты создают единый образ метапространства, которое изменяется на протяжении сборника из гибельного потустороннего измерения до вполне живого, свободного мира родной страны, который принимается лирическим героем.

Библиографический список

1. Белый, А. Пепел / А. Белый. – М. : Т&RUGRAM, 2018. – 120 с.
2. Севастьянова, В. С. Поэтика не-бытия в русской литературе 1900–1920-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. С. Севастьянова. – Магнитогорск, 2012. – 31 с.
3. Скатов, Н. Н. «Некрасовская» книга Андрея Белого / Н. Н. Скатов // Андрей Белый: Проблемы творчества : Статьи. Воспоминания. Публикации ; составители С. С. Лесневский, А. А. Михайлов ; вступ. слово от сост. – М. : Сов. писатель, 1988 . – С. 151–192.
4. Тимофеев, М. Ю. Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций / М. Ю. Тимофеев. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. – 279 с.